

УДК 34

DOI: 10.34670/AR.2021.60.71.016

Актуальные вопросы квалификации коррупционных деяний на государственной службе

Онин Денис Александрович

Специалист,

Межрайонная ИФНС России № 1 по ХМАО-Югре,
628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Дзержинского, 2;
e-mail: denisonin@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы квалификации уголовно наказуемых коррупционных деяний, совершаемых государственными служащими. Показано, что несмотря на наличие очевидных признаков коррупционных преступлений и относительно невеликого числа их видов, в правоприменительной практике возникают проблемы их квалификации. Автором на основе анализа действующего законодательства и практики судов общей юрисдикции делается вывод о необходимости разграничения коррупционных преступлений, связанных с получением государственным служащим вознаграждения от иных лиц, по ряду существенных признаков. Кроме того, критически оцениваются подходы судов к квалификации отдельных видов коррупционных преступлений. В рамках настоящей статьи освещены некоторые из актуальных проблемных вопросов квалификации коррупционных преступлений, совершаемых на государственной службе, предложены их решения с опорой на действующее законодательство и практику судов общей юрисдикции по коррупционным уголовным делам.

Для цитирования в научных исследованиях

Онин Д.А. Актуальные вопросы квалификации коррупционных деяний на государственной службе // Вопросы российского и международного права. 2021. Том 11. № 4А. С. 120-125. DOI: 10.34670/AR.2021.60.71.016

Ключевые слова

Признаки коррупционных преступлений, преступления против собственности, проблемы квалификации коррупционных преступлений, квалифицирующие признаки, практика судов общей юрисдикции.

Введение

Действующее законодательство не содержит понятия коррупционного преступления, однако на основе анализа норм УК РФ можно сделать вывод, что коррупционные преступления, совершаемые на государственной службе, обладают следующими признаками:

- 1) совершаются должностными лицами (их признаки определены в статьях 285, 318 УК РФ);
- 2) преступное деяние связано со служебным положением должностного лица (полномочия должностного лица, занимаемое им служебное положение используются в качестве особого средства для достижения противоправных целей);
- 3) наличие корыстного умысла у субъектов преступления (направленность противоправных деяний на извлечение выгод);
- 4) преступление совершается всегда с прямым умыслом.

В то же время, несмотря на наличие очевидных признаков коррупционных преступлений и относительно невеликого числа их видов, в правоприменительной практике возникают проблемы их квалификации, что, по мнению ряда исследователей [Авдеев, Авдеева, 2016], происходит по следующим причинам:

- а) несовершенство правового регулирования (пробелы, неопределенность, противоречия и иные дефекты уголовного закона);
- б) различие подходов в практике судов к оценке противоправного деяния государственного служащего как содержащего признаки того или иного коррупционного преступления;
- в) множественность условий, обстоятельств, а также способов совершения коррупционных деяний, их латентность;
- г) слабая профессиональная подготовка правоприменителей (следователей, прокуроров, судей).

Основная часть

Если исходить из системного рассмотрения норм УК РФ и ФЗ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ст. 1), то можно прийти к выводу, что среди совершаемых на государственной службе преступлений, непосредственно к коррупционным относятся дача взятки (ст. 291 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и ряд специальных составов преступлений (ст.ст. 291.1, 291.2 УК РФ); остальные уголовно наказуемые деяния относятся к преступлениям коррупционного характера (коррупционной направленности), как это в частности отражено в Перечне № 23, утвержденном Указанием Генерального прокурора РФ № 35/11 и МВД России № 1 от 24.01.2020. Стоит при этом сделать оговорку, что названный акт реализуется лишь в целях формирования статистической отчетности.

Также перечень причин, усложняющих квалификацию коррупционных преступлений, может быть дополнен не только сложностью собирания и оценки доказательств по уголовному делу, возбужденному в отношении государственного служащего (что заставляет органы предварительного расследования вменять виновному именно это определенное преступление, а не иное, которое фактически совершено), но и, к примеру, сложность в отграничении смежных составов преступлений, признаки которых могут содержаться в деяниях должностных лиц.

Так, особой актуальностью обладает вопрос об отграничении коррупционных преступлений государственных служащих, таких как получение взятки (ст. 290 УК РФ), мелкое

взяточничество (ст. 291.2 УК РФ) от преступлений против собственности, например, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное с использованием служебного положения) и ст. 163 УК РФ (вымогательство).

На практике не всегда верно квалифицируются деяния государственного служащего, получающего имущество (имущественное право) вследствие предъявления каких-либо требований в адрес обладателя передаваемого (подлежащего передаче) государственному служащему имущества (имущественного права), поскольку в таком случае возможны следующие варианты уголовно-правовой квалификации противоправных деяний в зависимости от характера объективной стороны:

во-первых, государственный служащий требует обозначенную им сумму вознаграждения от лица, которому обещано за такое вознаграждение содействовать в реализации его права (например, в кратчайшие сроки получить разрешение или лицензию, иную государственную услугу).

Притом в случае, если государственный служащий никакие действия (или согласованное бездействие), обусловленные полученным вознаграждением, намеренно (заведомо) не выполняет, то его деяния следует квалифицировать по ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное с использованием служебного положения) [п. 24 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 59)].

В противном случае ответственность государственного служащего наступает в зависимости от размера взятки (иных квалифицирующих признаков) по ст. 290 УК РФ (получение взятки) или ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество);

во-вторых, государственный служащий требует от лица вознаграждение, сопрягая свое требование с угрозой совершить действия (бездействие), способные причинить вред законным интересам лица либо создает такие условия, когда лицо вынуждено с целью предотвращения вредных для него последствий передать вознаграждение государственному служащему.

По смыслу п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24] и согласно сложившейся правоприменительной практике судов общей юрисдикции [Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.08.2014 № 86-АПУ14-12] подобные деяния подлежат квалифицировать по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получения взятки с ее вымогательством). Однако, если действия (бездействие) государственного служащего, обусловленные требованием вознаграждения (пусть даже и сопряженным с угрозами) направлены на защиту незаконных интересов взяткодателя, то деяния государственного служащего в таком случае образуют состав преступления по ст. 290 УК РФ без квалифицирующего признака – вымогательство взятки [Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2019 № 77-10/2019] (или по ст. 291.2 УК РФ – если размер взятки не превышает десяти тысяч рублей).

в-третьих, государственный служащий изначально требует передать ему денежные средства (иное имущество), а далее подкрепляет свои требования угрозой применения насилия, разглашения сведений, составляющих личную или семейную тайну и т.д.

В подобных случаях действия государственного служащего, начавшиеся как вымогательство взятки, в дальнейшем трансформируются в самостоятельное преступление против собственности и должны квалифицироваться по ст. 163 УК РФ (вымогательство).

В то же время проблемным является вопрос квалификации деяний государственного

служащего, получившего от взяточдателя вознаграждение в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, при наличии признаков: группы лиц (по предварительному сговору, организованной группы); получения взятки за незаконные действия; вымогательства взятки.

Дело в том, что, согласно позиции Верховного Суда РФ, вне зависимости от наличияотягчающих обстоятельств, которые указаны в ст. 290 и ст. 291 УК РФ, получение и дача взятки в размере, не превышающем десять тысяч рублей, должны квалифицироваться именно по ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество).

Иначе говоря, мелкая взятка, которая получена государственным служащим единолично или в составе группы лиц за любые действия (как законные, так и незаконные), а также с вымогательством, в отсутствие признаков состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291.2 УК РФ, будет квалифицирована по ч. 1 указанной статьи.

Указанный подход Верховного Суда РФ, представляется верным признать не соответствующим положениям ст. 290 и ст. 291 УК РФ, предусматривающих признаки деяний, подлежащих квалификации вне зависимости от размера взятки.

Кроме того, подобный подход не соответствует основным направлениям антикоррупционной и уголовной политики российского государства, а также не учитывает, например, того обстоятельства, что мелкое взяточничество представляет не меньшую угрозу личности, обществу и государству, а сами коррупционеры – мелкие взяточники зачастую совершают преступления при наличии серьезных квалифицирующих признаков, таких как вымогательство взятки, о чем не раз высказывались представители юридической науки [Волженкин, 2000] и должностные лица правоохранительных структур. Действительно, оценка коррупционных деяний не должна основываться исключительно на размере вознаграждения и пренебрежении иными признаками преступления.

В таком случае выходом из указанных проблемных ситуаций видится изменение практики судов общей юрисдикции, на основе согласования существующих подходов к квалификации коррупционных преступлений и норм уголовного законодательства согласно смыслу основных направлений уголовной антикоррупционной политики, не допускающей проявления любых форм коррупционного поведения на государственной службе.

Кроме того, практика судов общей юрисдикции демонстрирует превалирование подхода, согласно которому, во-первых, ряд должностных преступлений, не относящихся к коррупционным без дополнительных условий (например, в отсутствие корыстного мотива), приобретают тем не менее характер коррупционных, во-вторых, нарушаются общие правила квалификации преступных деяний в угоду достижениям ключевых показателей деятельности органов предварительного расследования, предпочитающих целесообразность законности (например, при возбуждении уголовных дел в отношении государственных служащих производится квалификация по общим, а не специальным (квалифицированным) составам преступлений, не имеющим непосредственного отношения к коррупции).

В частности, в судебной практике имеется подход к квалификации преступных деяний должностного лица, например, незаконно собирающего и распространяющего сведения, составляющие личную или семейную тайну и находящиеся в охраняемых ведомственных архивах, согласно ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) с искусственным приданием такому преступлению «дополнительной коррупционной окраски».

Так, по одному из резонансных уголовных дел, возбужденных в отношении бывшего начальника ИЦ УВД по Архангельской области А.В. Дудаева, деяние А.В. Дудаева, заключающиеся в собирании и предоставлении из архива ИЦ УВД по Архангельской области

иному лицу сведений в отношении репрессированных в период Второй мировой войны проживавших на территории СССР немцев для создания «Книги памяти репрессированных», квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий), то есть по общей по отношению к ч. 2 ст. 137 УК РФ норме.

При этом в случае А.В. Дудаева необоснованной выглядит квалификация деяний именно как превышения должностных полномочий, поскольку приоритет согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ должен быть отдан специальной норме, то есть содержащейся в ч. 2 ст. 137 УК РФ. Данное обстоятельство может быть объяснено не только как ошибочная квалификация деяний должностного лица, но и как стремление органов предварительного расследования получить дополнительный статистический показатель по раскрытым и доведенным по обвинительного приговора должностным преступлениям, также бесосновательно относимым к коррупционным.

Заключение

Таким образом, в рамках настоящей статьи освещены некоторые из актуальных проблемных вопросов квалификации коррупционных преступлений, совершаемых на государственной службе, предложены их решения с опорой на действующее законодательство и практику судов общей юрисдикции по коррупционным уголовным делам.

Библиография

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Государственная политика РФ в сфере противодействия преступлениям коррупционной направленности // Российская юстиция. 2015. № 5. С. 24-28.
2. Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 81-86.
3. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.
4. Егорова Н.А., Егоров А.Г., Гордейчик С.А. Антикоррупционные новеллы уголовного законодательства // Законность. 2017. № 1. С. 51-56.
5. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 20 с.
6. Крылова Е.С. Усиление уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности: обзор и комментарии // Ученые записки Казанского юридического института МВД России 2017. Т. 2. С. 58-64.
7. Лепихин М.О. Посредничество во взяточничестве в свете дополнений, внесенных в Уголовный кодекс РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4. С. 110-116.
8. Спектор Е. и др. Коррупционные правонарушения: проблемные вопросы юридической квалификации // Журнал российского права. – 2015. – №. 8 (224).
9. Чаплыгина А. Ю. Коррупция в образовательных учреждениях: проблемы квалификации деяний // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – №. 1. – С. 41-45.
10. Черепанова Е.В. Правовые проблемы квалификации преступлений коррупционной направленности // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 101-107.

Current issues of qualification of corruption acts in the public service

Denis A. Onin

Specialist,
Interdistrict Federal Tax Service of Russia No. 1 in KhMAO-Yugra,
628011, 2, Dzerzhinskiy str., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;
e-mail: denisonin@mail.ru

Abstract

The article deals with some problematic issues of the qualification of criminally punishable acts of corruption committed by civil servants. It is shown that despite the presence of obvious signs of corruption crimes and a relatively small number of their types, problems of their qualification arise in law enforcement practice. Based on the analysis of the current legislation and the practice of courts of general jurisdiction, the author concludes that it is necessary to distinguish between corruption crimes related to the receipt of remuneration from other persons by a number of essential features. In addition, the approaches of the courts to the qualification of certain types of corruption crimes are critically evaluated. Within the framework of this article, some of the current problematic issues of the qualification of corruption crimes committed in the public service are highlighted, and their solutions are proposed based on the current legislation and the practice of courts of general jurisdiction in corruption criminal cases.

For citation

Onin D.A. (2021) Aktual'nye voprosy kvalifikatsii korruptsionnykh deyanii na gosudarstvennoi sluzhbe [Actual issues of qualification of corruption acts in the public service]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 11 (4A), pp. 120-125. DOI: 10.34670/AR.2021.60.71.016

Keywords

Signs of corruption crimes, crimes against property, problems of qualification of corruption crimes, qualifying signs, practice of courts of general jurisdiction.

References

1. Avdeev V. A., Avdeeva O. A. State policy of the Russian Federation in the sphere of countering corruption-related crimes // Russian justice. 2015. No. 5. p. 24-28.
2. Borkov V. N. Novy vozmozhnie obucheniya vzyatki i rehabilitatsii "melkikh" vzyatochnikov [A new way of receiving a bribe and rehabilitation of "small" bribe takers]. 2017. No. 1. pp. 81-86.
3. Volzhenkin B. V. Official crimes. Moscow: Yurist, 2000. 368 p.
4. Yegorova N. A., Yegorov A. G., Gordeychik S. A. Anti-corruption novelties of criminal legislation. 2017. No. 1. pp. 51-56.
5. Idrisov N. T. Rules for the qualification of crimes: concept, types, problem of legal regulation: autoref. diss ... cand. jurid. sciences'. Samara, 2009. 20 p.
6. Krylova E. S. Strengthening of criminal responsibility for corruption-related crimes: review and comments // Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2017. Vol. 2. pp. 58-64.
7. Lepikhin M. O. Mediation in bribery in the light of additions made to the Criminal Code of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2017. No. 4. pp. 110-116.
8. Spector E. et al. Corruption offenses: problematic issues of legal qualification // Journal of Russian Law. – 2015. – №. 8 (224).
9. Chaplygina A. Yu. Corruption in educational institutions: problems of qualification of acts // State power and local self-government. - 2011. - No. 1. - pp. 41-45.
10. Cherepanova E. V. Legal problems of qualification of crimes of corruption orientation // Journal of Russian Law. 2016. No. 9. pp. 101-107.